

Золотое фэнтези

ЕКАТЕРИНА САВИНА

Пикник в преисподней

Охотница на ведьм

Екатерина Ивановна Савина
Пикник в преисподней
Серия «Охотница на ведьм», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170829

Пикник в преисподней:

Аннотация

Сатанизм, как известно, до добра не доводит. В этом на личном опыте пришлось убедиться Ольге Калиновой – ее сестра-близнец погибла, примкнув к темной секте. Теперь Ольге предстоит выяснить, кто виноват в ее смерти и покарать преступников.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Екатерина Савина

Пикник в преисподней

Глава 1

Всполохи оранжевых молний разрывали воздух, отчего казалось, будто ночное небо покрывала пылающая решетка. Я распахнула плащ, и в руках у меня оказался длинный деревянный кол с заостренным, словно у средневекового копья, наконечником, обожженным для прочности.

Под моими ногами извивалась гнусная тварь, подобной которой я никогда не видела в привычном для меня мире. Отдаленно тварь напоминала скорпиона, только в сотни раз увеличенного в размерах.

Я подняла над головой кол и, дождавшись очередного раската грома, изо всех сил всадила свое оружие в грудь твари, туда, где между двумя пластинами хитинового панциря колыхалась отвратительная масса желеобразного тела.

Невообразимой силы визг взлетел к исчерченным молниями небесам, а в лицо мне ударила тугая струя черной крови. Я отшатнулась от забившейся в агонии твари и...

* * *

...Ударилась головой о поднятое стекло автомобильной дверцы.

Боль, которую я при этом ощутила, помогла мне проснуться окончательно.

Я провела ладонью по лицу, отметив обычную после подобных сновидений дрожь пальцев; несколько раз закрыла и открыла глаза.

Только после этого закурила, опустив стекло дверцы со стороны водительского сидения, где я находилась. Дым, начавший было скапливаться под потолком салона автомобиля, синими щупальцами потянулся прочь через окошко.

Запахло сыростью, и я догадалась, что только что кончился промозглый октябрьский дождь, который начинал еще моросить, когда я уснула за рулем автомобиля.

Сделав еще несколько затяжек, я посмотрела на часы. Половина первого ночи.

Черт возьми, никак не могу привыкнуть к столичной московской жизни – в моем родной городке в такое позднее время на улице сонная тишина, а здесь грохот, шум и толчея, будто ночь не перевалила за свою половину, а только что сменила предвечерние тени.

Вообще-то, мне пора.

Докурив, я выбросила окурок за окошко, подняла стек-

ло, и, выбравшись на улицу, заперла дверцу машины. Черная «девятка», на которой я ездила последнюю неделю, замерла, будто уснувшая акула.

* * *

Кажется, этот клуб называла мне Наталья в последнем нашем с ней телефонном разговоре – «Черный лотос». На сколько я помню из ее рассказа, случайные люди в этом клубе не появляются, бывают там только... определенные – проверенные и постоянные клиенты, так сказать.

Раскуривая очередную сигарету, я остановилась неподалеку от входа. Ага, вот и иллюстрация к моим воспоминаниям – из подъехавшего джипа вывалились двое бритоголовых парней, видимо, привлеченных огромной неоновой вывеской с метровыми, выписанными с претензией на китайские иероглифы, буквами – «Черный лотос», – и, покачиваясь, направились к зеркальным дверям.

На пороге их встретил охранник, похожий на гориллу, зачем-то наряженную во фрачную пару, и преградил парням путь, распялив руки в стороны, будто собирался обнять сразу обоих.

Намерения охранника были явными, но бритоголовые, вместо того, чтобы развернуться и вернуться к своему автомобилю, развернули было словесную дуэль, которая, судя по частотности употребляемых терминов со сниженным лексик-

ческим значением, грозила перейти в баталию, где словесные аргументы с успехом заменяются прямыми ударами руками или ногами.

За спиной охранника показался здоровенный детина, упакованный в черную камуфляжную форму, и бритоголовые, моментально свернув заготовленную явно надолго речь, спешно ретировались.

Охранник усмехнулся и вместе с камуфляжным детиной скрылся за зеркальными дверями.

Я затаилась в последний раз, выбросила окурок и направилась ко входу в клуб. Уверена, face-control я пройду без проблем – моя сестра Наталья постоянно посещала этот клуб, а мы с ней близнецы.

Я толкнула дверь, она не подалась, и тогда, так как кнопки звонка нигде не было видно, я постучала. Никто мне не ответил, и я стала бить кулаками в зеркальную дверь и скоро выбила четырехугольник яркого желтого света.

– Здравствуйте, – сказал появившийся на пороге охранник и, заглянув мне в лицо, вздрогнул. – А я слышал, – проговорил он, что ты... что тебя...

– Глупости, – сказала я и прошла мимо него.

Высокий зал был наполнен заунывной музыкой, словно тягучими волнами синего дыма. Большинство редко стоявших столиков не было еще оккупировано посетителей. Насколько я знаю, жить полной жизнью этот клуб начинает, когда ночь переваливается далеко-далеко за свою середину.

Усевшись за свободный столик, я снова закурила. Официантов в зале не было видно, очевидно по той же причине, по которой зал клуба не был заполнен даже наполовину – было еще слишком рано.

В очередной раз оглядев зал, я заметила, что на меня пристально смотрит одна из посетительниц – довольно милостивая девушка, если бы ее на портила копна черных волос, возвышавшихся над ее головой, как недостроенная башня. Девушка, как и я, в одиночестве сидящая за пустым столиком.

Когда я оглянулась на нее во второй раз, она уже направлялась ко мне.

– Наташа? – усевшись за мой столик, она все так же напряженно вглядывалась в мое лицо.

– Наташа, – подтвердила я.

– Но ведь ты... Но ведь тебя здесь не должно быть...

– А где я должна быть по твоему мнению? – поинтересовалась я.

– Мы похоронили тебя на Третьем Рабочем кладбище, – выговорила девушка, теряясь все больше и больше, – я сама шла за гробом...

Затянувшись сигаретой, я кивнула ей. Девушка опрокинула на стол свою сумочку, отыскала среди многочисленных косметических баночек и тюбиков сигаретную пачку, запустила туда длинные худые пальцы и, не найдя ничего, смяла пачку и смахнула ее под стол.

– Успокойся, – проговорила я и пододвинула к ней свои

сигареты, – что ты так нервничаешь?

Однако девушка совсем не успокоилась, при попытке прикурить она едва не подпалила скрученную из волос башню у себя на голове.

– Выпить бы, – прошептала она и извлекла из нагрудного кармана короткой кожаной куртки маленькую плоскую бутылочку.

Зубы ее сильно лязгнули о горлышко бутылки, когда она отхлебнула.

– Все-таки не понимаю... – сказала она, пряча бутылку обратно в карман.

К нам направлялся высокий, бритоголовый молодой человек – официант, судя по тому, что в руках у него был поднос, на котором одиноко возвышалась бутылка без этикетки, наполненная темной жидкостью.

Поставив на столик поднос с бутылкой, он без приглашения уселся рядом со мной.

– Захар знает, что ты вернулась? – осведомился он, глядя на неподвижную жидкость в бутылке.

Я понятия не имела ни о каком Захаре, однако ответила:

– Захар? Должен знать. Во всяком случае, скоро узнает точно...

Вот странно, как только я проговорила это имя – Захар, сразу же в голову мне пришла неожиданная мысль. О том, что я человека с такой фамилией знаю – хорошо знаю и давно...

– Ну так что же? – произнес бритоголовый официант, разливая жидкость из бутылки по трем стаканам, черт знает откуда появившиеся на моем столике. – Давайте... За возвращение. За тебя, Наталья.

Он поднял свой стакан и, запрокинув голову, одним махом засадил себе в глотку его содержимое. Острый кадык на его худой шее судорожно дернулся. Девушка, качнув своей фантазмагорической прической, поднесла стакан к губам и медленно выпила содержимое.

Я посмотрела на свой стакан. Темная жидкость неподвижно мерцала, как будто тонкие стеклянные стенки стакана охватывали кусок черного янтаря.

– Давай, – сдавленным голосом проговорил бритоголовый официант, – это то, что тебе сейчас нужно. Встряхнешься...

Я отпила немного. Жидкость была вязкой, пахла почему-то дымом от горелой резины, а вкуса не имела вовсе.

– До дна, до дна...

Пустой стакан я поставила на столик, но он, как показалось мне, подпрыгнул, словно поверхность столика была резиновой, и упал на пол, разлетевшись на тысячу осколков. Звон разбитого стекла я услышала секундой позже.

Девушка и официант переглянулись и неожиданно для меня рассмеялись. Как будто я разбила не стакан, а напряженно натянувшуюся между нами троими тишину.

– Нормально, – сказал официант, – быстро подействовало. Посмотри...

Он широко развел руками.

– ...Посмотри, сколько народу. Сейчас и праздник начнется.

Я оглянулась. За столиками, которые еще минуту назад были пустыми, клубились толпы причудливо разодетых людей. Я посмотрела на часы, но сколько они показывали, определить так и не смогла, потому что секундная и часовая стрелки переплелись между собою, как спаривающиеся червяки.

– Ночь! – поднявшись со своего места, объявил бритоголовый. – Ночь началась!

* * *

Как только я пришла в себя настолько, что смогла воспринимать окружающую действительность, я сразу посмотрела на часы.

Половина четвертого утра.

Господи, что было со мной в тот период времени... почти три с половиной часа... Я выпила этот дурацкий коктейль примерно в час ночи, а сейчас уже половина четвертого.

Я что – была в отключке, или?..

Ничего не помню.

У меня начала болеть голова. Я сидела на пластиковом стуле за тем самым столом, за который села, как только вошла в «Черный Лотос». Стол был завален пустыми бутылка-

ми, окурками, осколками разбитой посуды.

«Ничего себе, – подумала я вдруг, – я одна сижу за столом. Выходит, мне за все и расплачиваться? А у меня денег-то и нет с собой почти».

Я огляделась по сторонам. Обширный зал ночного клуба был все еще полон, но ясно было видно, что народ уже устал веселиться и расходился.

«Интересно, – подумала я, – а в каком это празднике я имела честь участвовать? И где мои собутыльники? Этот... бритоголовый и девица с прической, похожей на недостроенную башню? И что же со мной все-таки было после того, как я выпила свою порцию коктейля?»

Какие-то туманные обрывки всплывали у меня в голове.

Какая-то дрянь приходила мне в голову – вроде я плясала совершенно голой посреди таких же голых и безумных людей, потом на высокой сцене вокруг сверкающего столба извивалась серая, словно ожившая ртутная струя, змея, а потом... потом змея превращалась в долговязого длинноволосого человека, который размахивал руками, как летучая мышь – крыльями и... летал?

Не мог он летать, он же все-таки не летучая мышь... – Лучше не вспоминать, – решила я про себя, – а самое главное – никогда больше не пить эту темную гадость.

Нет сомнения в том, что это был какой-то сильнодействующий наркотик, с помощью которого посетители этого клуба привыкли веселиться. Если этот пьяный, безумный и без-

образный дурман можно назвать весельем. Господи, какая гадость. Чувствую себя, как выжатый лимон.

Я поднялась из-за стола. Пора убираться из этого заведения. Ничего существенного сегодня я выяснить тут не смогла. Добилась, правда, того, что теперь слух о возвращении из мертвых моей сестры Натальи распространится среди тех людей, среди которых я и хотела распространить этот слух.

– Наташа! – раздался громкий голос у меня за спиной.

Я вздрогнула, но для того, чтобы испугаться, у меня не хватило сил. Обернувшись, я увидела девушку, которая первой подошла ко мне, когда я только-только оказалась в клубе «Черный Лотос».

– Подожди, – она подбежала ко мне и несколько секунд не могла говорить из-за одышки. Ее прическа растрепалась, и теперь волосы космами нависали ей на лицо.

– Славно повеселились, – наугад сказала я, – как в старые добрые...

– Точно, – справившись с дыханием, проговорила девушка. – Слушай, – она положила мне руку на плечо, – завтра ночью посвящение будет. Ну, новенького будут принимать в Общество. Ты придешь?

– Да, – сказала я.

– За тобой заехать? – спросила она.

– Если не трудно.

– Конечно, не трудно. А ты... все там же обитаешь? – помедлив, спросила она, и я заметила, что в ее глазах снова

тускло замерцал страх.

– Все там же, – подтвердила я, – куда же мне еще? Она кивнула. Пожала плечами, судорожно попыталась закурить сигарету, но все-таки не выдержала:

– Ведь на твоей квартире тебя и... убили, – вырвалось у нее. – Ведь...

Она замолчала. Внезапно, как будто ей закрыли рот ладошкой.

Кажется, моя сестра-близнец довольно близко была знакома с этой девушкой. По крайней мере ближе чем с другими постоянными посетителями клуба «Черный лотос» – я замечала, что многие пристально смотрят на меня и тут же отводят глаза, когда я поднимаю на них взгляд. Но никто не окликает и не подходит ко мне.

– Так я заеду? – снова спросила девушка.

– Конечно, заезжай, – проговорила я, – я весь день буду дома.

Она все не уходила, хотя повернулась, чтобы уйти. Кажется, она что-то еще хочет.

– Наташа, – наконец, решилась девушка, – а что мне сказать Васику?

– Кому? – переспросила я.

В глазах девушки мелькнуло удивление, а потом снова появился страх.

– Ты что – не помнишь? Васик Дылда. Ты с ним последние два месяца встречалась.

Странно. В наших с Наташей телефонных разговорах никакой Васик Дылда не упоминался – она ничего не говорила мне о человеке с таким именем.

Впрочем, Наташа мало что рассказывала мне о своей личной жизни.

– Так что передать Васику?

– Пусть в гости заходит, – сказала я, – если временем располагает.

– Хорошо, – проговорила девушка. – Тогда – до завтра?

– До завтра, – сказала я.

Я вдруг вспомнила, что ее зовут Даша. Ее имя всплыло в моем памяти, как вспухает внезапный пузырь газа на черной болотной воде; хотя припомнить того момента, когда девушка представлялась мне, я не могла. Да и не стала бы она мне представляться – она же принимает меня за мою сестру-близняшку – Наташу, которая...

* * *

Меня зовут Ольга Антоновна Калинова. До тех пор, пока я не переехала в Москву, я жила в провинциальном городке под Вяткой, где работала агентом по размещению рекламы в местной рекламной газетке. Должность, конечно, не бог весть какая, но, специфика провинциального города вообще не дает определенных предпосылок к стремительному продвижению по служебной лестнице.

Тем более что я и не собиралась никуда стремительно продвигаться.

В отличие от своей родной сестры.

Наташи. Мы с ней вместе ходили в детский сад, вместе заканчивали школу, в десятом классе которой обе одновременно влюбились в учителя русского языка Карла Ивановича; вместе поступили в художественное училище.

Вот как раз после окончания художественного училища наши с сестрой пути разошлись. Пристроиться к качеству художника в какую-нибудь организацию нам не удалось, а мне неожиданно предложили работу агентом по размещению рекламы, и я, конечно, согласилась, с тем условием, чтобы в той же газетке могла работать и Наташа.

Несмотря на звучное название должности, мои обязанности заключались в том, что я моталась по городу из одной местной фирмы в другую и уговаривала боссов и шефов разместить в нашей газетке свою рекламу.

Предпринимательство в том городке, где жили мы с Наташей, развивалось бурно, многочисленные фирмочки и предприятия с ограниченной ответственностью по производству точилок для карандашей и канцелярских скрепок то всплывали на поверхность, то тонули в бездонной пучине банкротства, как макароны в кастрюле с кипящим супом.

Поэтому работы у меня было навалом. Утром я помещала рекламу частного предприятия «Казус», вечером шла уточнить некоторые детали оформления логотипа и находила на

месте частного предприятия табличку, на которой сообщалось, что «Казус» разорился; а в опустевшем офисе суетились ребята из только что зарегистрированного общества с ограниченной ответственностью «Три богатыря».

И я возвращалась в свою газетку с полученным заказом на рекламу «Трех богатырей».

В принципе моя работа мне нравилась. Мне нравилось общаться с людьми, заводить новые знакомства, и я часто думала, что скоро в нашем маленьком провинциальном городке я буду знать в лицо и по имени каждого мало-мальски удачливого предпринимателя.

А вот Наташа проработала вместе со мной только три дня.

На большее ее не хватило. В один прекрасный день она просто не вышла на работу, и мне не удалось ее уговорить приступить к выполнению своих обязанностей и на следующий день. Наташа сказала тогда, что хочет подыскать себе более достойное применение.

Я против не была. Мы с Наташей уже давно жили без родителей и привыкли рассчитывать только на себя. Я со своим заработком вполне могла обеспечивать какое-то время и себя и свою сестру.

Забеспокоилась я тогда, когда период бездеятельности Наташи растянулся уже до третьего месяца. Я попыталась поговорить с ней, но она и слушать ничего не хотела, отмалчивалась, как бывало всегда, когда она раздумывала над чем-то серьезным. О том, что она собралась ехать искать лучшей

жизни в столицу, я узнала уже через несколько дней. Конечно, такой выход из положения меня не устраивал, но я знала, что пытаться отговорить мою сестру от уже принятого и обдуманного решения бесполезно.

Дальше события развивались с изумительной быстротой.

Наташа поменяла двухкомнатную квартиру, доставшуюся нам от родителей, на однокомнатную с доплатой, и уже через неделю мы с ней стояли на вокзале, прощались, расставаясь на столь долгий и к тому же – неопределенный срок, наверное, впервые в жизни.

Наташа пообещала мне звонить каждую неделю и честно выполняла свое обещание. Мы даже договорились о том, что сеанс связи будет происходить каждую пятницу в десять часов вечера – это чтобы я и Наташа наверняка были дома.

Вначале я беспокоилась за нее – одна в большом городе, она ищет применения своей несовременной и некоммерческой профессии художника, но потом как-то само собой все улеглось.

Наташа говорила мне, что нашла хорошую работу, собирает деньги на квартиру. В чем заключается эта ее работа, она мне так и не сказала. А когда я спрашивала – лепила какую-то ерунду насчет ночных клубов, столичных развлечений и в круг элитарных тусовщиков, в который ее, кажется, собирались принять.

После она со смехом пересказывала мне выдумки московской золотой молодежи, которой некуда девать время и день-

ги, кроме как на детские игры в колдунов и вампиров, рассказывала про party-шабаши в ночных клубах, а несколько месяцев назад...

В ней что-то надломилось. Когда она звонила мне, то отделивалась сухими фразами о том, что у нее все в порядке, сообщала о таких событиях, как покупка квартиры почти в самом центре Москвы, тоном, будто она приобрела новую разливательную ложку.

Смешить меня рассказами о развлечениях золотых мальчиков и девочек она перестала, а когда я просила ее об этом, срывалась и кричала в телефонную трубку, чтобы я перестала лезть в ее дела.

Потом, конечно, извинялась, плакала.

Я не могла понять, что с ней происходит. Я всерьез забеспокоилась и собралась уже ехать в Москву, когда в одну из пятниц мне, вместо Наташи, позвонили представители отдела по раскрытию убийств какого-то там района города Москвы и сообщили, что моя сестра – Наталья Антоновна Калинова – застрелена в своей собственной квартире. Просили немедленно приехать на опознание тела.

Я смогла выйти из своей квартиры только на второй день после того, как услышала это сообщение. И мне до сих пор не верится до конца, что я никогда больше не увижу свою сестру.

Еще через два дня я уже была в Москве и разговаривала с оперуполномоченными из отдела по расследованию убийств

– с теми, кто занимался делом моей сестры.

Впрочем, занимался – громко сказано. Убийство моей сестры, как я поняла из нескольких частных разговоров, почти сразу же списали в разряд «глухарей» – нераскрываемых дел.

«Шансов найти убийц, – вертя в руках толстую дешевую ручку, говорил мне следователь, – нет никаких. Хотя, мы, конечно, работаем. И обещаем вам сделать все, что в наших силах».

«За что же ее убили? – пыталась выяснить я. – Хоть какие-то следы, хоть что-то должно остаться? Не может же быть так, что вам совсем ничего не ясно в этом деле. Вы же правоохранительные органы».

«Органы, – соглашался следователь, сдувая со своих усов мокрые крошки табака прямо на серый пиджак, – но вы поймите, застрелили вашу сестру профессионалы. Это заказное убийство, а такие дела почти никогда не раскрываются. Это вам не пьяная драка дяди Васи с дядей Петей. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Тело вашей сестры обнаружили только на второй день, да и то случайно. А уж киллера...

Опознать теперь не сможет никто. Никаких свидетелей. Никаких зацепок. С ее знакомыми мы, конечно, поговорили, но... Никто ничего не знает. А может быть, знает, но общаться с милицией не хочет».

Я хотела было выложить следователю содержание наших с

Наташей телефонных разговоров, но вдруг осеклась, неожиданно с удивительной ясностью ощутив, что наплевать этому следователю и на мою сестру, и на меня, и на того неведомого убийцу с черным пятном вместо лица, который на мгновение всплыл откуда-то из темной пугающей мглы и снова исчез, как острый акулий плавник на поверхности моря.

Какая-то странная и совершенно новая мысль пришла мне в голову. Этот сидящий напротив меня скучающий придурок с мокрыми табачными крошками на усах ничем не сможет помочь ни мне, ни, тем более, моей покойной сестре. И единственный человек, которому не наплевать на Наташу – это я.

Выходит, действовать придется мне в одиночку. И найти убийцу, заказчика... Кого-то, кто должен ответить за гибель моей сестры. Иначе – это чувство мгновенно родилось и окрепло в моей груди – мне не успокоиться и до самого конца моих дней у меня на шее, как гибельный камень самоубийцы-утопленника, будет висеть страшная смерть Наташи.

Так я из скромного рекламного агента превратилась в самого настоящего детектива.

Я вернулась в свой родной городок, продала квартиру и переехала в Москву. Квартира, принадлежащая Наташе, теперь принадлежала мне по праву прямого наследования. Я поселилась там.

Ни переставлять мебель, ни вообще менять что-либо в интерьере квартиры я не стала. Только вытерла пыль и вымыла

полы, особенно то место в прихожей под телефонной полочкой, где два дня засыхало, съеживалось и вгрызалось в пол страшное черно-красное пятно, расплывшееся вокруг головы моей сестры.

В ящике письменного стола я нашла несколько последних фотографий Наташи, тут же отправилась с ними в парикмахерскую и через пару часов вышла оттуда с такой же точно прической, с какой была на фотографиях запечатлена она.

В шкафах сохранилась одежда Наташи, на эту одежду я сменила свою. В конце концов, когда, стоя перед зеркалом, я решила, что теперь меня от моей погибшей сестры не отличил бы даже самый пристрастный наблюдатель, я поняла, что пришла пора переходить к действиям.

* * *

Но как мне найти убийцу моей сестры?

Очень странно, что застрелил Наташу профессиональный киллер. Ведь обычно подобная участь ожидает проштрафившихся крупных мафиози, зарвавшихся банкиров и неугодных политиков...

А Наташа?

Мне так и не удалось выяснить, где она работала. Милиция тоже об этом ничего не знала. Трудовая книжка Наташи лежала в ящике стола вместе со всеми остальными ее документами, и последняя запись в книжке была датирована тем

самым днем, когда Наташа уволилась из рекламной газетке нашего провинциального городка, куда мы с ней когда-то давным-давно устроились вместе.

Значит, она нигде не работала?

А откуда тогда у нее деньги?

И немалые, если судить по хорошей квартире в престижном районе, мебели, при покупке которой она явно ориентировалась на эстетическое соображение, а вовсе не на цену товара, и одежды, ярлыки на которой сообщали, что вещи куплены в дорогих бутиках Москвы.

Или Наташа занималась делами, которые вовсе не требуют записей в трудовой книжке?

Ее рассказы о ночной жизни столичной молодежи, о ночных клубах и сумасшедших оргиях... Сначала я подумала о том, что Наташа могла заниматься проституцией, но потом эту мысль отвергла.

Не может проститутка, будь она самого высочайшего уровня, за столь недолгое проживание в столице приобрести себе собственную квартиру, и мебель, и вещи, и...

К тому же в милиции бы знали, если бы Наташа где-нибудь засветилась как проститутка.

Да и убирать проститутку с помощью киллера – вряд ли кто-нибудь мог пойти на это. Киллеры не работают с таким контингентом.

Тогда в чем же тут дело?

Мою сестру, которая за недолгую праздную жизнь в

Москве успела хорошо устроиться, убивают с помощью профессионального киллера, как какую-нибудь высокопоставленную шишку.

Милиция во всем этом разобраться не может – просто списали дело в разряд не раскрываемых.

Значит, во всем этом должна разобраться я. Как? Я знаю название клубов, где проводила время Наташа. Конечно, вполне возможно, что ее знакомые знают о том, что Наташи уже нет в живых, но...

Это мой единственный шанс что-то выяснить в этом деле, пользуясь своим сходством с покойной сестрой проникнуть в те заведения, в которые, как мне известно из наших телефонных разговоров, случайные люди не допускаются, и попытаться уверить Наташиных знакомых в том, что... слухи о ее смерти несколько преувеличены.

Если мне это удастся, то я наверняка сумею хотя бы кое-что для себя разъяснить.

План, конечно, был безумный, но другого у меня не было. Я направилась в ночной клуб «Черный лотос», и...

Кажется, дела идут на лад. Меня принимают за Наташу. Только беспокоят меня странные разговоры о моем «возвращении». Неужели эти люди так повернуты на потусторонних вещах, что факт повторного появления в мире живых уже один раз убитого человека вызывает не смертельный ужас, а лишь некоторое замешательство?

Во всяком случае, хорошо, что я не смешалась и подыгра-

ла узнавшим во мне Наташу людям. Конечно, трудно вести игру, почти ничего не зная и не понимая из того, что делается вокруг тебя. Это как бежать в полной темноте по натянутому между небоскребами канату.

Что это за Общество?

Наташа мне ничего не рассказывала. Только вскользь упоминала о какой-то организации, в которую она хочет вступить.

Из разговора с девушкой Дашей я поняла, что это Наташе удалось. И все же...

Нет, ничего не понятно. Уже готовые образы и мысли расползаются у меня в голове, как в руках мокрая газета, и вместо чего-то определенного у меня в голове снова клубится белесый мрак.

Но я надеюсь на то, что скоро хоть что-то для меня прояснится.

Глава 2

Плавники и щупальца хлестали меня по лицу. Ничего вокруг не было видно, но я знала, что нахожусь в пространстве, целиком заполненном тугими струями хлещущей отовсюду воды.

Сказать точно, стою я на твердой поверхности или меня треплет клубящаяся вокруг невидимая вода, я не могла. То, что могло бы быть почвой, то и дело уходило у меня из-под ног, а, когда мне начинало казаться, что я проваливаюсь в какую-то лишенную дна яму, мои ноги снова встречали сопротивление.

Плавники и щупальца хлестали меня по лицу. Коротким ножом, который был у меня в руках, я наносила удары туда, откуда прилетал режущий свист, предвещавший появление очередного плавника. Я не могла понять, с одним ли существом я сражаюсь или на меня напало несколько тварей. Кровь из ссадин на моем теле густым-густым темным туманом клубилось вокруг меня, оттого, наверное, ничего не было видно.

Если везде вода, то откуда берется воздух для моих легких?

Как только эта мысль пришла мне в голову, я начала задыхаться. Не успев обернуться на свист, я беззвучно вскрикнула от мгновенной острой боли – лезвие плавника рассекло

мне левое плечо.

Я наугад махнула ножом туда, откуда мог долететь этот удар, но внезапно почувствовала непонятную легкость, с какой моя правая рука пролетела сквозь бурлящую толщу воды, и только когда приступ непереносимой боли сдавил браслетом руку, догадалась, что кисть правой руки, в которой был зажат нож, отрублена мощным ударом плавника.

Скользкая петля невероятно сильного щупальца стянула мне горло, но это было уже не важно, воздуха и так не было в моих легких. Впрочем, существо, которому принадлежало щупальце вовсе не собиралось меня душить, щупальце напряглось тросами мускулов... Одно резкое движение, и я ясно увидела свое обезглавленное тело, бессильно обмякшее в черно-красных разводах, окрашенной кровью воды.

Потом снова ничего не стало видно, кроме давящего слоистого мрака.

* * *

Своим криком я, наверное, всех соседей перебудила. Я вскинулась на всклокоченной постели, хватая ртом спокойный комнатный воздух, будто и вправду только что тонула.

Боже мой, ну и сон...

Бурлящая вода, режущие плавники и неумолимые плети щупальцев. И мрак. И вспыхнувшая на мгновение картина. Встайках кровавых пузырьков бессильное и мертвое обез-

главленное тело.

Я спустила босые ноги на холодный пол, несколько минут сидела на кровати, зажмурившись, чтобы прогнать из сознания остатки кошмара, потом поднялась и побрела на кухню.

День уже клонился к вечеру. Я приехала домой под утро – Наташину квартиру я теперь называю домом – спать легла, когда рассвело, проспала несколько часов.

Кипятить в чайнике воду было бы долго. Я просто налила в стакан воды из-под крана и медленно выпила ее всю.

Потом поставила пустой стакан на стол, подошла к подоконнику и закурила.

«Откуда появляются эти кошмары? – думала я, глядя на угасающий за окном осенний московский день. – Почти каждый раз, когда я задремлю, просыпаться мне приходится с застывшим от ужаса горлом и холодным потом на лице. Расшаталась психика из-за того нервного срыва – когда я узнала о смерти своей сестры... Наверное. Кошмарные сны стали мучать меня, как только я переехала в Москву, будто кто-то неведомый, закопавшийся в темных закоулках моего мозга, пытается выгнать меня из этого города, из этой квартиры, из привычных изгибов моего тела».

В песочнице копался сосредоточенный малыш в желтом комбинезоне, рядом с ним ежился от сырого холода высокий мужчина, держащий на поводке застывшего, как древнее каменное изваяние, безразличного ко всему происходящему мраморного дога.

Через двор, переваливаясь, прошла некрасивая армянская женщина.

Клубящаяся в воде кровь, смертельно острые плавники и страшные щупальца уже погасли в моем сознании, скорее, чем успело просохнуть лицо.

Я погасила окурок в пепельнице и направилась в ванную.

В прихожей я посмотрела на висящие на стене часы – половина шестого.

В ванной я привела себя в порядок. А когда вышла, в прихожей загремел звонок.

Звонили в дверь. Я уже успокоилась до того, что даже не вздрогнула.

Кто бы это мог быть?

Даша обещала заехать, но для нее еще рано.

– Кто? – спросила я у глухой металлической двери, лишенной глазка.

– Это Васик, – ответили мне из-за двери.

Ах да, вспомнила. Васик Дылда – это тот, с кем встречалась моя сестра последние два месяца перед смертью.

Я заскрежетала в двери замком.

Черт его знает, как мне вести себя с этим человеком.

Ведь он наверняка знал Наташу ближе всех остальных. Неужели он, как и все эти ненормальные из клуба, считает, что я... то есть Наташа, вернулась с того света?

Я открыла дверь.

Таких парней, как этот Васик Дылда, я еще не встречала. Да правда, откуда такие личности возьмутся в провинциальном городке?

Васик Дылда был и впрямь очень высок ростом. Ссутулившись, он шагнул в прихожую, да так и замер, встретившись со мной глазами.

Несколько секунд он стоял как вкопанный, так что я вполне успела его рассмотреть. Лицо его было вытянуто, а оттопыренные уши, похожие на крылья нетопыря, не скрывали даже падающие на плечи искусственно разлохмаченные, окрашенные в иссиня-черный цвет волосы. Глазницы Васика окружали нарисованные черной тушью круги, отчего глаза его казались провалившимися вглубь черепа ямами, губы были покрыты толстым слоем черной помады. Я впервые видела так близко мужчину, который пользуется косметикой.

Одет Васик был причудливо и необычно. Под коротенькой, сплошь усеянной металлическими клепками кожаной курткой сияла кислотная ядовито-желтая маечка, предельно узкие джинсы посредством частых продольных разрезов были превращены почти что в бахрому, сквозь разрезы виднелись худые и бледные, покрытые рыжим пухом ноги.

Несколько секунд Васик стоял, не двигаясь, смотрел мне пристально в лицо, потом рухнул на колени, как будто кто-

то подрубил его ноги.

– Я узнал тебя! – завопил он, простирая ко мне длинные руки. – Это и вправду ты!

Я проворно закрыла за ним дверь. Соседи, которых я на-верняка взбаламутила своими криками спросонья, истош-ных воплей Васи́ка тоже, скорее всего, не одобряют.

– Я узнал тебя! – снова воскликнул Васик.

Увернувшись от его похожих на оглобли рук, я отступила к стене. Черт его знает, сумасшедший какой-то. Просто не верится, как это моя сестра могла общаться с таким ненор-мальным.

– Я тебя тоже узнала. Ты – Васик Дылда, – на всякий слу-чай сказала я.

Да, это был и вправду тот, с кем встречалась моя сестра. Он кивнул головой на мое утверждение, потом изобразил на своем накрашенном лице благоговение и, внезапно накло-нившись, несколько раз довольно сильно ударился лбом в пол.

Я изумленно молчала, наблюдая за Васиком.

– Ты признаешь меня... – выпрямившись, прошептал Ва-сик, – ты не забыла меня... Там, откуда ты пришла, ты пом-нила обо мне.

– Тебя забудешь, – невольно вырвалось у меня.

– Я буду верным твоим оруженосцем в битве с церков-никами и их завшивевшим добром! – продолжал он. – Тебя убили, но ты вернулась, чтобы выполнить миссию, которую

поручил тебе Он...

Последнюю фразу Васик выговорил с особым придыханием.

Так говорят религиозные фанатики, когда речь заходит об их вере, так священнослужители произносят имя своего бога.

Васик, не поднимаясь с колен, пополз ко мне.

– Ты теперь выше всех, – не унимался он, – ты теперь выше каждого члена Общества. Ты теперь выше самого Захара!

Приказывай, и я исполню!

Опять это имя – Захар. Как я догадывалась раньше, это имя принадлежит главе этого самого Общества, в котором состоят и Васик, и девушка Даша, и все те, кого я видела вчера в ночном клубе «Черный Лотос»... и моя сестра Наташа... состояла.

Мысли одна за другой вихрем закрутились у меня в голове:

«Наташа несомненно состояла в Обществе, была его полноправным членом. А кого еще, кроме полноправных членов, допускают на церемонию посвящения, куда скоро отправлюсь я с Дашей? Только непонятно – кто убил Наташу?

Вряд ли это сделал кто-то из Общества... Например, за то, что она преступила какие-то специально обозначенные для его членов законы – в таком случае, скорее всего, убийство было обставлено как ритуальное. А Наташу ведь застрелил профессиональный киллер обычным, так сказать, мирским

способом.

Следует ли из этого, что Общество не имеет к ее убийству никакого отношения?

Точными фактами я не располагаю, но мне кажется, что это не так. Ведь во всякой тайной организации, а тем более секте, а тем более секте с такой мистико-сатанинской подоплекой, действует закон мести. Кровь за кровь, око за око. Член секты не может быть не отомщен. А я что-то не заметила, чтобы кто-нибудь из моих новых знакомых хотя бы словечко сказал о мести. О моей... о гибели Наташи они говорят, как о чем-то само собой разумеющемся. Как будто ее не застрелил киллер, а смерть последовала законным и понятным итогом тяжелой и продолжительной болезни. Вот в этом странность. В которой мне, кстати говоря, и предстоит разобраться».

Васик Дылда мою задумчивость посчитал, вероятно, каким-то проявлением силы, связующей меня с потусторонним миром, поэтому, пока я не опустила на него глаза, послушно молчал.

– Я вижу, как ты изменилась, – быстро зашептал он, как только я снова обратила на него внимание, – ты стала...

На тебе лежит печать Зла! – сформулировал он и на несколько секунд замер, поразившись силой собственных слов.

Ну что же. Настало время подыграть ему. Кстати, этот псих может быть мне полезен. Ведь от него я получу множе-

ство сведений, касающихся Общества, которые помогут мне в моем расследовании.

– Да, – значительно выговорила я, – на мне лежит печать Зла. Я прошла сквозь адский пламень и вернулась обратно. Этот огонь не сжег меня, а только выковал силу... И выжег... – я выдержала паузу, – и выжег в моем сознании страшные буквы послания Сатаны.

Васик приоткрыл рот. На паркет прихожей с его губ потянулась тоненькая струйка прозрачной слюны.

– Да, – выдохнул он и со всхлипом втянул слюну, – приказывай, повелительница.

И, закрыв голову руками, коснулся лбом паркета.

Тут у меня мелькнула внезапная мысль – а что если этот придурок вовсе не сумасшедший, каким кажется с первого взгляда, а просто прекрасный актер?

Ну, не такой прекрасный, если я вдруг заподозрила, что он переигрывает?

Вполне возможно, что его подослали ко мне члены Общества, чтобы узнать, кто я есть на самом деле?

Васик Дылды осторожно поднял голову и робко взглянул мне в лицо.

«Нет, – усмехнувшись, подумала я, – никакой он не актер. В его глазах светится столько искреннего почтения, сдерживаемого страха и неподдельного идиотизма, что поверить в то, что в данный момент этот Васик Дылда способен на обман, невозможно».

Конечно, глупо делать выводы, основываясь целиком на собственных ощущениях, но давным-давно известно, что существует такая вещь – женская интуиция. И это чувство, если говорить откровенно, развито у меня в полной мере.

Нет, Васик Дылда – просто парень, помешанный на потусторонних вещах. Кажется, он нормальный человек, хоть и создает впечатление буйного сумасшедшего.

– Ладно, – сказала я, – вставай, Васик. Пойдем в комнату, расскажешь мне о том, что здесь происходило, пока меня не было.

Васик не сразу поднялся на ноги. Когда я повернулась и пошла в комнату, он неслышно, очевидно, ступая на цыпочках, проследовал за мной.

Я уселась на диван и царственным жестом пригласила снова нерешительно застывшего Васика сесть. Он несмело пригнулся на самом краешке стоящего напротив меня кресла.

– Ну, – сказала я, – рассказывай.

– Что?

– Как вы без меня здесь жили.

– А-а... – тут лицо Васика омрачилось, – плохо жили, – вздохнув, проговорил он, – я очень по тебе скучал.

– Ты-то понятно, – сказала я, – а остальные?

– И остальные скучали, – уверил Васик, – и Дашка, и Петя Злой, и Грюндик... – он замолчал, как мне показалось, внезапно, будто что-то еще хотел сказать.

– А что говорили насчет моей... гибели? – решила спросить

силь я.

Васик вздохнул.

– Очень тебя жалели, – сказал он. – Все думали, кто это мог сделать? Кто мог тебя убить? Захар сказал, что во всем разобрался и убийц уже наказал.

– Да... – протянула я, – а в чем же конкретно разобрался Захар?

– Как это в чем? – удивился Васик. – Ну... В том – почему тебя убили... И кто именно это сделал.

– Кто? – быстро спросила я.

Васик открыл рот.

– А разве ты сама не знаешь? – проговорил он. – Ведь если тебя убили, то ты обязательно должна знать, кто это сделал и за что.

Железная логика. Как бы упростилась работа милиции, если бы безвинно умерщвленные граждане могли самостоятельно определить перед операми мотивы убийства и указать исполнителей убийства.

– Я-то знаю, – кивнула я, – но мне нужно знать, что говорил всем членам Общества Захар.

Васик поскреб в затылке.

– Да... ничего он не говорил нам конкретного, – сообщил он. – Просто сказал, что во всем разобрался и убийц наказал. Он черную порчу наслал на них, – понизив голос, добавил Васик. – Ну, знаешь, конечно – те, на кого насылают черную порчу, в первый день чувствуют легкое недомогание, на вто-

рой день у них отнимаются ноги, на третий они слепнут, а через неделю теряют рассудок и умирают... Страшная вещь эта черная порча.

Надо думать. Значит, за убийство моей сестры уже отомстили. Что-то очень просто. Настолько просто, что с трудом верится в это. Черная порча... Ерунда какая-то. Но я так и не узнала, за что убили мою сестру.

Следующим пунктом расследования будет встреча с этим ужасным Захаром. Странно, что наши пути до сих пор еще не пересеклись. Ему, конечно, уже донесли о моем счастливом воскрешении из мертвых.

А встреча эта, надо думать, будет совсем не из простых. Ведь, как я поняла, Захар – глава Общества. А мне начинает казаться, что все эти игры в тайных колдунов, которыми увлекаются размалеванные посетитель ночного клуба «Черный лотос», не просто шалости. И от посторонних эта тусовка закрыта не только потому, что там употребляют наркотики.

И Захар наверняка знает, что кроется за всеми этими извращениями богатенькой столичной публики.

Знает, только откровенничать со мной он точно не будет. И на воскрешении Наташи его, как мне кажется, тоже трудно будет провести.

А вдруг он знает, что у нее в провинции была сестра-близнец?

Наташа всегда неизвестно почему стеснялась того, что мы

с ней близнецы, как будто видела в этом что-то ненормальное, и все ее знакомые, впервые встретившись со мной, сначала изумлялись тому, что у Наташи, оказывается, есть сестра, да еще близнец; а потом – тому, что она никогда им об этом не рассказывала.

Во всяком случае, ни перед кем я своих карт открывать не буду. Для всех я Наташа.

И тут в голову мне пришла мысль настолько неожиданная и вместе с тем настолько простая, что я едва удержалась от удивленного возгласа. Как же так! Как же мне раньше не пришло в голову, что если все думают о том, что Наташа – это я, то теперь, выходит, и моя жизнь в опасности! Ведь Наташу-то убили, а убийство было явно заказное.

Интересно, почему я раньше об этом не думала? Голова была занята другим.

Да и теперь плевать мне на то, что меня могут убить.

Сейчас самое главное для меня – разобраться в смерти моей сестры, потому что, если этого не сделаю я, этого не сделает никто.

– Наташа! – тихо позвал меня Васик Дылда, о присутствии которого я успела уже позабыть. – Расскажи мне... как там?

– Где? – слишком резко отвлекшаяся от своих размышлений, не поняла я.

– Там... Где ты была.

– Не время еще, – значительно произнесла я, – не время еще рассказывать. Потом все узнаешь.

Он с готовностью закивал.

– Ты будешь первым, кому я это расскажу, – добавила я, и лицо Васи́ка засветилось тихим восторгом.

– Лучше я послушаю твои рассказы, – продолжила я, – последние новости. Ты ведь всегда лучше всех знал последние новости.

Последнюю фразу я сказала наугад, но, по всей видимости, попала в цель. Порозовевший от комплимента Васи́к тут же застрочил как из пулемета.

* * *

За несколько часов разговоров с Васи́ком Дылдой я узнала о членах Общества и о самом Обществе очень много нужных и необходимых сведений, а еще больше – сведений вообще мне не нужных и не необходимых.

Например, Васи́к полчаса с упоением рассказывал мне о том, как уже знакомая мне девушка Даша сорвала проповедь в одной из католических церквей центрального района города, забравшись под кафедру, за которой стоял святой отец. Собравшиеся послушать проповедь прихожане долго недоумевали, почему святой отец, вместо того, чтобы говорить о Христе, только нечленораздельно мычит и закатывает глаза. Они и предположить не могли, что спрятавшаяся в нише массивной кафедры Даша расстегнула ширинку на брюках у проповедника и преподнесла ему такой сеанс оральной

любви, что несчастный не только моментально позабыл все слова своей наверняка тщательно подготовленной проповеди, но и даже не в силах был сопротивляться коварной соблазнительнице.

Также услышала я увлекательный рассказ о том, как однажды утром уже в православной церкви молящиеся обнаружили в чане со святой водой с полсотни задушенных крыс, а вышедший на шум отец настоятель совершенно неожиданно для всех оказался безобразно пьян. После, однако, выяснилось, что священник вовсе был не пьян, его просто одурманили наркотическим раствором, добавленным в его завтрак.

От души посмеявшись, я спросила Васика, неужели за все время моего отсутствия не было ни одного серьезного дела, только мелкие пакости?

На что Васик, тут же посерьезнев, ответил, что были, конечно, только он о них ничего не знает.

– Разве ты забыла? – удивленно проговорил он. – В такие вещи нас не посвящают. Серьезными делами занимаются только специально обученные люди, ближайшие подручные Захара.

– Совсем не забыла, – удалось вывернуться мне, – просто я подумала, что пока меня не было, что-то могло измениться.

– Ты и не так долго того... отсутствовала, – заметил Васик. – Какие же существенные изменения могут произойти?

На это замечание я нахмурилась так сурово, что Васик едва снова не бухнулся на колени.

– В том мире время течет не так, как в этом, – туманно пояснила я, и Васик с готовностью покивал, с благоговением глядя на меня.

Потом он покрутил головой и уже, наверное, в десятый раз за время нашего разговора достал из кармана своей живописной курточки пакетик с белым порошком, насыпал себе на запястье левой руки небольшую дорожку и втянул ноздрей.

– Хорошо, – сдавленным голосом поделился он, закончив манипуляции.

Теперь, после разговора с Васиком, структура Общества была для меня более или менее разъяснена. В нем процветал культ Сатаны. Главным наместником низвергнутого ангела на земле называл себя Захар. Ему подчинялись все члены Общества.

Кроме того, Захар осуществлял связь Общества с преступными группировками и некоторыми уровнями администрации города, которых обильно снабжал денежными средствами. Таковые он выкачивал из рядовых членов Общества, главным образом из экзальтированных представителей золотой молодежи столицы, которым давал взамен пространные лекции об их избранности на путь Вечного Зла, возможность тусоваться в ночных клубах, проход в которые для обычных людей был закрыт, и, что самое главное, иллюзию безумной, увлекательной и притягательно опасной игры.

Насколько я поняла, этот Захар нередко еще и общался с

некоторыми столичными толстосумами и высокопоставленными лицами через их закабаленных отпрысков и даже имел какое-то на богатых папиков.

Кстати, еще я узнала, что родитель самого Васи́ка Дылды – не кто иной, как сам... То есть не последний человек в нефтяном международном бизнесе, поэтому у самого Васи́ка никогда никаких проблем с денежными средствами не было. И, между прочим, эту квартиру, в которой теперь живу я, он подарил Наташе на день рождения.

А суммы взносов, обязательные для каждого члена Общества, он тоже вносил за мою сестру. Он фактически и ввел ее в Общество. По крайней мере представил ей протекцию и деньги, а Наташа, как я поняла, решение принимала самостоятельно.

И приняла.

Конечно, я понимала, что от Васи́ка можно узнать совсем немного – ему не полагалось много знать – он числился только в рядовых членах Общества, хотя и безумно гордился некоторыми своими подвигами, самый значительный из которых был – набить морду почтенному священнослужителю, попавшемуся как-то поздно вечером на его постоянно накокаиненные глаза.

Теперь я была уверена, что за всей внешней мишурой Общество представляет из себя мощную организацию со стройной иерархической структурой, о верхушке которой я еще пока почти ничего не знала. И делами Общество занимает-

ся действительно серьезными, и этот загадочный и страшный Захар действительно поклоняется Дьяволу и его земной реинкарнации – золоту, ибо за путанными высказываниями обдолбанного Васи́ка я неожиданно для себя проследила какую-то странную и страшную подоплеку – нити ведущие к делам серьезным и мне пока неведомым.

Васик вдруг вздрогнул и посмотрел на часы.

– Половина одиннадцатого, – сказал он, – пора ехать.

Сегодня посвящение будет, все члены Общества должны присутствовать.

– Даша за мной обещала заехать, – сказала я.

– Даша? Ах да, она мне говорила, – вспомнил Васик и опять достал свой пакетик с кокаином.

В дверь позвонили. Васик вздохнул и, немного поколебавшись, спрятал пакетик.

– Это, наверное, Даша, – сказала я и пошла открывать.

Это и впрямь оказалась Даша. Проходить в квартиру она не стала. Я заметила, что она, стоя на пороге, с испугом покосилась на то место на полу, где еще темнел след от кровавого пятна.

Мы с Васиком спустились в подъезд, у которого стояли две иномарки. Даша уселась в свою желтую спортивную «Феррари», а Васик не без робости пригласил меня в свой огромных размеров черный джип. На капоте джипа очень искусно был изображен козлиный череп.

Так как время было позднее, стояния в пробках мы из-

бежали и около двенадцати часов ночи были уже за городом. Проехав еще немного, мы оказались на опушке большого леса, явно искусственного происхождения, хотя из-за стустившихся уже сумерек он казался первобытным и непроходимым. На широком пространстве перед лесом уродливо разбросался фундамент недостроенного здания – очевидно, кто-то собирался в этой глуши строить себе особняк, но не довел до конца своего намерения.

Когда мы подъехали ближе, стало видно, что в окружении зачатков стен и железобетонных свай притаился глубокий котлован, на дне которого уже толпился народ.

Мне вдруг пришло в голову, что фундамент, щербатый оскал полуразрушенных стен и возвышающиеся сваи – и окруженный всем этим котлован представляют из себя архитектурную конструкцию, в целом очень похожую на античный амфитеатр.

– Вот здесь, – сказал Васик, останавливая машину.

– Что – здесь? – не поняла я.

– Здесь будет обряд посвящения проходить, – сказал он, удивленно поглядев на меня, – в котловане. Этот участок земли огромный – папик одного из наших братьев купил – частная собственность. И стройку тоже. Ты же была уже на посвящении. Спрашиваешь...

– Извини, – сказала я, – задумалась. Не поняла тебя...

Васик кивнул.

Скоро мы – все втроем – были уже в котловане, а пример-

но через полчаса...

Глава 3

В амфитеатре котлована собралось около полусотни человек – я посчитала; Полсотни, если не больше. Все, без исключения собравшиеся, были сравнительно молоды – от семнадцати до двадцати пяти лет. Преобладали юноши – почти все косматые и экзотически разряженные, как и мой Васик, но и девушек было тоже немало.

Даша сразу затерялась куда-то. Я то и дело замечала ее выдающуюся прическу – то там, то здесь мелькающую поверх лохматых шевелюр присутствующих.

Васик, стоящий рядом со мной, дернул меня за рукав и я поняла, что – началось. Повинуясь какому-то неслышимому сигналу, члены Общества расступились и, превратившись вдруг из бессмысленно колеблющегося и галдящего месива в организованные ряды, встали вокруг котлована – на относительно возвышении – вдоль фундамента, оставив дно котлована свободным.

Неизвестно откуда взявшийся здесь бритоголовый официант из «Черного Лотоса» – теперь на нем была какая-то серая хламида, ниспадающая до самых пят – вывел из задних щуплого паренька в круглых роговых очках и домашнем вязаном джемпере и мягко подтолкнул к краю котлована.

Парнишка стал спускаться, но в какой-то момент остутился и кубарем покатился вниз. Докатившись до дна котлова-

на, он поспешно вскочил на ноги и принялся отряхиваться, но, вдруг сообразив, что ни к чему заниматься личной гигиеной, когда специально на тебя смотрят полсотни человек, снова выпрямился и, видимо, не зная, куда упереть взгляд, уставился себе под ноги.

Члены Общества внимательно разглядывали его. Перепуганный паренек настолько дико смотрелся среди общей массы нечесаных сатанистов, что мне невольно захотелось протереть глаза, чтобы убедиться в том, что мое зрение меня не обманывает.

Несколько раз паренек поднимал голову и смотрел вверх, на нависшие над ним патлатые головы, но встречаясь с кем-нибудь взглядом, отводил глаза в сторону, где тоже смотрели на него оценивающе и изучающе – он пугливо дергал головой и снова опускал голову и упирался взглядом в землю под своими ногами.

«Кажется, этот маменькин сынок сегодня гвоздь программы, – подумала я, – вон как все эти образины на него уставились... Интересно, в чем все-таки заключается церемония посвящения?»

Бритоголовый официант из «Черного лотоса» что-то крикнул. Содержания фразы я не уловила, но поняла, что он обращается не к робевшему в котловане пареньку и даже не к собравшимся сатанистам, а к кому-то...

Короче говоря, тогда я не могла понять, к кому он обращался.

Все собравшиеся молчали. Бритоголовый официант теперь метался по краю котлована и разносил всем по пластиковому стакану, в котором что-то плескалось.

Еще несколько минут прошло. Собравшиеся начали было понемногу переговариваться между собой, но вдруг замолчали, будто их кто-то строго одернул.

Я невольно покрутила головой – нет, никого нет вокруг.

Серые стены среди черного моря темноты молчат, только поднимающийся ветер гудит между высокими сваями.

«Чего все ждут? – думала я. Мне стало очень неудобно.

– Что сейчас должно произойти? Неестественная тишина – так и кажется, что сейчас из ночной мглы явится, стуча копытами по утоптанной земле и потрясая золотыми рогами, концы которых навечно окровавлены»...

Додумать эту мысль я не успела. Совершенно неожиданно и неслышно на противоположной от меня стороне амфитеатра в в провале одной из недостроенных стены – появилась высокая фигура, закутанная в такую же хламиду, как у бритоголового официанта, но не серую, а черную, так что едва можно было различить фигуру на фоне черной дыры в стене. Лицо закутанного в хламиду человека скрывал низко опущенный капюшон.

Я даже не знаю, что заставило меня взглянуть туда, где появилась фигура – какое-то ощущение чьего-то присутствия, ведь при появлении закутанной в черное фигуры ни малейшего всплеска света не было видно и ни шороха слышно не

было – но все собравшиеся, включая и вконец растерявшегося паренька на дне котлована – обернулись туда, куда и я.

Зловещий черный человек стоял, не шевелясь. Он казался неестественно высоким, и один только взгляд на него внушал суеверный ужас.

Ветер разбушевался не на шутку. Он гудел между сваями, как готовая оборваться струна и иногда я всерьез начинала опасаться, что железобетонные столбы не выдержат напора сбесившегося воздуха и рухнут, давя безмолвно и неподвижно стоящих людей.

* * *

Бритоголовый официант из «Черного Лотоса» вручил пластиковый стаканчик и мне. Я механически приняла от него стаканчик и тут же забыла и о нем, и об официанте, его мне вручившем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.